

Мужун Цинь притянул его к себе, нежно поглаживая мокрые волосы:

— Ты попал под дождь?

— Угу.

— Быстро сними одежду, это вредно для ребенка.

— Ребенок...

При упоминании этих двух слов зрачки Мужун Циня слегка покраснели:

— Да, ребенок. Ты ведь тоже что-то скрываешь от меня, не так ли?

Бай Цинцзю опустил голову:

— Я не знаю, как сказать.

— Ничего, я подожду. Ты такой холодный, скорее снимай одежду.

Бледное лицо Бай Цинцзю наконец окрасилось легким румянцем, и он оттолкнул Мужун Циня:

— Это не я холодный, это ты слишком горячий.

Мужун Цинь, потеряв опору, закачался:

— Цзюцзю, не уходи!

— Я не ухожу. Просто боюсь, что господин Мужун сейчас упадет в ванну и не сможет подняться.

Мужун Цинь нагло предложил:

— Давай мыться вместе, тогда не страшно.

Бай Цинцзю признался себе, что его сердце смягчилось. Решимость, с которой он пришел, мгновенно растаяла.

Он подумал: «Если бы я не сел на тот самолет, было бы у меня шанс услышать искренние слова Мужун Циня? Через пять лет он тоже любил меня, правда? Я могу вернуться в прошлое, и у меня еще будет шанс вернуться в будущее. Тогда я точно не буду упрямиться и требовать уйти. Если бы он знал, что ребенок все еще жив, он бы обрадовался, да?»

Мужун Цинь сзади набросился на него, нежно тереться о шею, от него пахло алкоголем:

— Вода готова?

Бай Цинцзю очнулся:

— Почти.

— О чем ты думаешь? Так задумался.

Бай Цинцзю улыбнулся:

— Думаю, что человек, который мне нравится, тоже меня любит. Это так здорово.

Мужун Цинь с размаху бросил его в воду вместе с одеждой, подняв брызги, и его рука беспокойно поползла вниз:

— Скажи, с какого момента ты начал тайно влюбляться в меня?

— Очень давно, уже и не помню.

— Как это не помнишь? Ты обманываешь меня.

Бай Цинцзю слегка сопротивлялся:

— Мужун Цинь, не подходи, от тебя так пахнет.

— Это ты меня довел.

— Я...

— Ладно, ладно, я ничего не буду делать, помоги мне помыться.

— У тебя руки есть?

— Мои руки нужны, чтобы раздевать тебя.

Бай Цинцзю вцепился в свою мокрую одежду:

— Уйди, я сам.

Мужун Цинь, вдоволь насмеявшись, откинулся на другую сторону, подняв бровь:

— Хорошо, делай сам.

Бай Цинцзю покраснел:

— Не смотри.

— В прошлый раз я не рассмотрел как следует, теперь хочу увидеть все подробно.

Бай Цинцзю, смущенный и возмущенный, вывернулся:

— Это слишком.

Мужун Цинь поднял руки, изображая невинность:

— Обещаю, только посмотрю.

Бай Цинцзю расстегнул пуговицы одну за другой, и они начали возиться в воде, постепенно согреваясь.

Бай Цинцзю не ожидал, что настанет день, когда они будут сидеть друг напротив друга голыми, не говоря ни слова, и это будет так волнующе.

В конце концов, Бай Цинцзю помог ему одеться, так как тот слишком много выпил, и после бессвязных слов просто рухнул на кровать.

Бай Цинцзю с трудом уложил его, но Мужун Цинь схватил его за руку и легко притянул к себе.

Бай Цинцзю лег на его грудь, тяжело дыша, мокрые волосы капали на его кадык.

Он попытался подняться, но Мужун Цинь крепко прижал его, закрыв глаза и буркнув:

— Вылижи.

— Ты не спишь.

Мужун Цинь не ответил, словно ждал, пока тот выполнит его просьбу.

Бай Цинцзю потянулся, чтобы вытереть, но тот крепко схватил его руку:

— Слушайся, используй рот.

Бай Цинцзю покраснел до ушей, наклонил голову и быстро лизнул, ощутив холод на языке. Кадык снова стал мокрым.

Мужун Цинь был доволен. Бай Цинцзю ожидал, что он станет еще более властным, и даже приготовился к побегу, но тот спокойно уснул.

Бай Цинцзю медленно выдохнул, проводя пальцем по его носу:

— Мужун Цинь, ты спишь?

...

— Я хочу найти тебя в будущем. Я не умер, и ребенок в порядке. Я хочу услышать, как ты снова скажешь, что любишь меня. Через пять лет ты все еще будешь любить меня?

...

— Я люблю тебя, и пять лет назад, и через пять лет, я всегда буду любить тебя.

Бай Цинцзю осторожно поднялся, поправил полусползшую одежду и вдруг вспомнил о чем-то. Босиком он побежал в подвал, достал мольберт и кисти.

У кровати Мужун Циня он некоторое время возился, и наконец взял кисть в руки.

С чего начать? Бай Цинцзю набросал контур. Раньше он рисовал его только по памяти: холодного, серьезного, всегда в профиль Мужун Циня, никогда так близко, на расстоянии мольберта.

Спящий, он был совсем беззащитен, брови расслаблены, волосы спадали на лоб. Бай Цинцзю никогда не видел его таким.

Кисть скользила по бумаге, линии становились четче. Бай Цинцзю зевнул, чувствуя усталость, но продолжал рисовать. Такой шанс может больше не представиться.

Мужун Цинь перевернулся, отвернувшись, и его рука ощупала пустую кровать, отчего он нахмурился.

Бай Цинцзю остановился, вдруг вспомнив, что Мужун Цинь любит спать на правом боку.

Кровать была большой, и он мог бы спать справа, не мешая друг другу, но он всегда заставлял Бай Цинцзю перебираться на правую сторону.

После каждой разминки Мужун Цинь всегда принимал скучающий вид, словно больше не собирался прикасаться к нему.

Бай Цинцзю, лежа на боку, кусал палец, думая, не сделал ли он что-то не так? Опять его разозлил?

Но утром он всегда просыпался под тяжестью его руки, прижимающей его к груди, словно боясь, что он убежит.

Бай Цинцзю положил кисть, рисунок был почти готов. Иногда лучше оставить что-то недосказанным.

На следующий день проснувшийся Мужун Цинь начал яростно искать его, спустившись вниз в тапочках и ударив кулаком в стену:

— Бай Цинцзю, ты еще смеешь сбежать!

Бай Цинцзю вышел с двумя тарелками завтрака, с недоумением:

— Что случилось?

— Ты... — Мужун Цинь подошел, гнев уже почти утих:

— Ты все еще здесь.

Бай Цинцзю поставил тарелки, увидев его в пижаме и тапочках, с нечесаными волосами, и не смог сдержать смешка:

— Господин Мужун, вы потеряли выдержку.

Мужун Цинь схватил его за руку и притянул к себе, голос стал мягким:

— Кто знает, может, ты снова исчезнешь без предупреждения. Я действительно тебя боюсь.

— Ты боишься меня?

Мужун Цинь ущипнул его за бок, где одни кости:

— Если ты посмеешь уйти без слова, я переверну землю, чтобы найти тебя. Ты думаешь, ты сможешь убежать? А?

Бай Цинцзю, боясь щекотки, инстинктивно отстранился, но Мужун Цинь снова притянул его:

— Ладно, не буду дразнить, садись есть.

— Ты держишь меня, как я сяду?

Мужун Цинь пододвинул стул, усадил его на колени, плотно прижав к спине:

— Садись ко мне на колени.

Бай Цинцзю в тонкой одежде чувствовал его тепло через ткань, смущенно опустил голову, не

решаясь смотреть на него.

Мужун Цинь взял кусок хлеба, положил на него яйцо и ветчину, поднес ко рту:

— Открой рот.

— Я не голоден, ешь ты.

— Ты слишком худой, нужно есть больше, иначе как ты вырастишь того, кто у тебя внутри?

Бай Цинцзю прикусил губу:

— Ты правда... не против?

— Против, но больше я против тебя.

— Та справка о выкидыше...

— Порвал.

Бай Цинцзю наконец повеселел, шмыгнул носом:

— Спасибо.

— Ты понял. — Мужун Цинь прижался к его шее, дыхание было горячим. Если бы Бай Цинцзю мог видеть, он бы заметил, что его взгляд был совсем не таким мягким, как слова.

Бай Цинцзю откусил уголок, убедившись, что завтрак получился неплохим, и успокоился.

Мужун Цинь взял его за щеку, вытер крошки с уголка рта:

— Теперь покорми меня.

— Что?

Бай Цинцзю замер. Они прожили вместе пять лет, но никогда не делали ничего столь интимного. Обычно он одевался и уходил, не оставляя ни слова.

Кто же всегда исчезал без предупреждения? Я?

<http://bllate.org/book/16396/1485041>